

Сергей Иванович Коротков

От автора:

Эту историю мне рассказала жена одного крупного дипломата. Жили они в то время в сталинской «высотке», что на Красной Пресне. Было странно слышать из уст этой благополучной дамы резкие оценки ельцинской демократии. Но, как оказалось, у неё были на то личные причины...

Рваная дорога

поэма

Довольно много народу.
А дикторы вечно врут.
Свою-то я вижу породу.
Смотрите – идут и идут.
Знамёна, хоругви, портреты...
Какая глубокая боль.
- Простите, у вас есть дети?
- Да, есть, - прозвучал пароль.
Красивая русская барыня
Два дня как из Бельгии. Вот
Примчалась проведать парня.
Не виделись целый год.
Рукою своей холёной
Она заключила в круг
Сталинский дом гранёный:
«Вот здесь мы проводим досуг».
Октябрьское вялое солнце
Блеснуло в её украшениях.
- Да-да. Те четыре оконца,
Где памятник нашим свершеньям. –
И усмехнувшись в шубу:
«Мехами души не согреть...»
Такие горячие губы
Умеют, наверно, жалеть.
Пахнуло Парижем прожжённым
И англо-саксонским туманом.
Так красивы чужие жёны,
Как красивы чужие страны.

А наша равнина печальна.
И наши угрюмы бугры.
- Да, есть кабинет и спальня,
Гостиная, мебель, ковры.
Сама я с казачьего юга,
А муж москалям москаль.
Но люди нашего круга
Такая, знаете, шваль. –
Ругает запад. В пол уха
Я слушаю. Кончен бал.
Взалкали Святого Духа.
Но всякий своё искал.
Ещё прибывают люди.
Всё строже лиц письма.
Вдову утешают: «Будет
Рыдать-то. На то и война...»
С крыши снимают митинг.
Внизу старик – не старик
Грозит кулаком: «Насытим
И вопль наш, и сердца крик!»
Откуда в такой сеньоре
Истовость ликов родных.
Какое таится горе
В скулах её роковых?
Я к ней угодил в подголоски.
Немного её рассмешил:
- И мой сын свивает колосья
Жил своих в сноп души.
Боюсь я его откровений.
Расстрела ему не забыть...
Он, правда, не любит гениев.
А, впрочем, за что их любить?
- Ах, вижу, вы тоже там были?
- Да нет... Но третьего да!
Бежали. Кричали. Жили.
Как в кране открытом вода.
Я помню, как с парапета
Призвали нас штурмовать
Останкино. Словно ветер
Прошёл, и затих опять.
Помчались в автобусе махоньком.
Приехали: вот-те на –
Солдаты безликие. Страху-то.
И башни враждебной стена.
Вы знаете, здесь на площади

Победу почувал люд.
А там – любопытные в рощице.
Восстанье сползало в бунт.
Но я не жалею, не сетую.
Я видел прорыв и порыв.
И штык свой запрягал в Сетуни.
Я, думаю, до поры... -
Она посмотрела так странно.
Так смотрит осенний сад:
- Давайте знакомиться. Анна
Васильевна. – Очень рад. –
И тёмные брови вскинув,
Рукою поправив прядь,
Вздыхнула: «Я, кажется, сына
Могла навек потерять...
Он рвался в те дни на улицу,
Продукты бойцам носил.
Варила я каждый день курицу.
А он каждый день басил:
«Ну, мама. Ну Бога ради.
Сама посуди –
Мне место на баррикаде».
А я ему: «Подожди,
Сынок, тебе лишь шестнадцать!
Успеешь. Твоё придёт».
А третьего кинулись драться –
И хлынул потоком народ.
О, тут он серьёзно собрался.
Стал бледен, как серебро.
Недаром он обретался
У тех негасимых костров.
- Не ты ли меня учила,
Что Родина выше благ... -
Слезой ледяной застыло
Сердце моё. Как враг,
Схитрила. Сподлила. Стусарила:
Иди, мол, но чаю хоть выпей.
Где-то рядом рвануло, ударило.
Или мне показалось во всхлипе.
Таблетку я в чай положила.
Снотворное на убой.
А после веки смежила
И выла, как за упокой.
Он четвёртого рано проснулся.
Он двенадцать часов проспал.

Он ко мне даже не повернулся
И слова, словно камни бросал.
Перед ним на колени я встала.
- Как могла ты, мать, как могла? –
Богоматерь с иконы взирала:
А вот я своего отдала...
А потом мы вдвоём молились.
Молодой непокорный вихор
На глаза ему падал. В нём бились
Два огня – приговор и укор. –
Замолчала. На алом стяге
В тканом Спасе солнце цвело.
Дай нам, Бог, последней отваги
Дочитать эпилог.

Не впервой мне с сердечной раной...
Но двойным узлом стянут жгут.
И над полем дорогой рваной
Млечный путь, где нас тоже ждут.